
КАТЕГОРИИ НОВОЙ ПСИХОЛОГИИ

В.И. Кабрин

НОЭТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ: НА ПУТИ К РЕЛЕВАНТНОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОПЫТА¹

Метакоммуникация рассматривается как универсум жизни человека в контексте метаистории. Транскомуникация анализируется как смыслообразующий и динамизирующий фактор человеческой свободы и ноодинамики психологической жизни человека. Предлагаются базовые схемы – парадигмы коммуникативной ситуации, коммуникативного мира и метаноэзиса человека в ориентации на постметодологический тип релевантного психологического исследования.

Ключевые слова: метакоммуникация, транскомуникация, базовая коммуникативная ситуация, базовые коммуникативные отношения, метаноэзис коммуникативного мира личности.

Источник проблемы релевантного проживания и представления психологического опыта наиболее рельефно обнаруживается в метаисторическом² контексте. Неразрешенность проблемы двуединства психологического знания, с одной стороны, уходит вглубь веков и поэтому, возможно, имеет доисторические корни, а с другой стороны, анализ современных ее разработок, включая причудливые вариации постмодерна, трансперсональной и холистической психологии, позволяет предположить, что она сохранится и на рубеже «конца истории» (Вульф,

Ректор, 1994; Уилбер, 2004). И это несмотря на то, что суть проблемы исходно выглядит довольно простой. Чисто интроспективный (субъективный) анализ душевной жизни до сих пор представляется неубедительным в рамках современных научных парадигм, хотя и претендует на максимальную релевантность, «близость к объекту». В то же время вся история изошренных попыток объективации душевного мира человека остается неудовлетворительной (слабо релевантной) с точки зрения даже самих психологов, не говоря уже о заинтересованных исследователях смежных областей (от биологии до теологии).

Даже убедительно показанная в свое время С.Л. Рубинштейном принципиальная субъектность, латентность, сокровенность и недоступность душевной жизни внешнему наблюдению и анализу не привела к прекращению настойчивого поиска экспликаций

---

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ 09-06-00395а.

²Понятие метаистории вводится в связи с работами К. Яспера и Ф. Фукуямы о начале и конце истории. В этом смысле можно также говорить, что метаистория – это «история истории». Это понятие используется в нашей работе в связи с поиском коммуникативных корней истории культуры, а также ее постисторической перспективы, которая пока является гипотетическим конструктом.

психологических интенций, диспозиций и качеств, особенно на уровне вербальных проявлений (Рубинштейн, 2006; Шерток, 1982). Это так естественно, если учесть, что человек сам этого очень хочет, независимо от намерений исследователя.

К сожалению, мне не встретилось ни одного фундаментального исследования давно сформулированной максимы Ф.И. Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь». Тем более трудно представить, чтобы сами психологи попробовали найти способы реанимирования в сотнях опросников тысяч «вербальных трупиков», с которыми по-прежнему производят многозначительные операции сложения, умножения и деления, получая так называемые количественные показатели.

Экспериментируя с динамикой, ритмикой, эротикой текста, художники издревле работают со значительно более живыми отображениями душевной жизни, что в свое время с грустью отметил Г. Олпорт (Олпорт, 2002). Конечно, проективные методики и трансперсональные практики, кажется, существенно приближают нас к «выражению» собственно душевных движений. Однако они тут же попадают в известные наукообразные парадигмы, ни одна из которых не решает вышеозначенную *базовую онтологическую проблему* и ограничивается «условным решением» в меру своей специфики — от физиологической до трансперсональной. Наиболее честную интерпретацию субъективного опыта мы обнаруживаем именно в последней (по сути самой масштабной), где главной чертой истинно духовного опыта является *невывраженность* (в духе многих восточных традиций).

К метаистории ноэтической коммуникации³

В этом контексте возможно представить исторический и стратегический смысл *коммуникативной парадигмы* в понимании и проявлении удивительной онтологии душевной жизни человека.

Прежде всего важно отметить осмысление доисторических следов человеческой жизни. И наскальные пещерные изображения «потусторонних ладоней», и ритуальные символы, амулеты, коллективные обряды общения с «высшими силами» (жертвоприношения, захоронения, мистерии) говорят об *изначальном трансцендентальном векторе коммуникации* древних (вопреки дарвинистской парадигме).

Еще более важное следствие этого: *пракоммуникация*⁴ — уже была *метакоммуникацией*⁵, т.е. наполненной,

³ Ноэтическая коммуникация — один из уровней приближения к внутренней сущности коммуникативного процесса. По сравнению с большинством определений коммуникации через ее внешние признаки в случае с ноэтической коммуникацией речь идет о собственно психологическом факторе, более глубоком, чем перцепция, экспрессия, мыслительный процесс, но лежащем в их основе. Это еще не раздробленные «чувствознание», «мыслеобраз», «идея», порождающие смыслообразование, переживаемое скорее интуитивно, чем дискурсивно. Поэтому в ноэтической коммуникации акцент делается на синтонности чувств с их смысловой эйдетической компонентой. Ясно, что такое понятие не доступно позитивистскому анализу и может обрести свой статус лишь в постнеклассической парадигме.

⁴ Пракоммуникация (или протокоммуникация) — регистрируемые в археологии и истории культуры ритуалы и изображения, которые могут интерпретироваться как первичные из известных формы человеческой коммуникации.

⁵ Метакоммуникация — в известной литературе (Бэйтсон, 2000; Вацлавик, Бивин, Джексон, 2000 и др.) это коммуникация о коммуникации. В данной работе рассматривается ее более широкий смысл — как коммуникация, ориентированная на трансценденцию.

заряженной сверхидеей, таинственной для ее искателей и последователей. Мы не будем глубоко погружаться в этот завораживающий мир первичного целомудренного единства человека и космоса, хотя, может быть, именно там находятся ответы на ключевые вопросы антропологии. Возвратимся к «осевому времени» начала истории (К. Ясперс), чтобы увидеть, что здесь еще не произошла *фрагментация* коммуникативного и трансцендентального (эйдетического) в человеке (Ясперс, 1994).

Если выразить это намеренно фигурально, то здесь Сократ и Платон образуют вершину культурно-исторического «конуса» (имею в виду «Диалоги»), лучи которого постепенно в истории расходились все дальше друг от друга, так что все более уплощенные (технократические) представления о коммуникации стали упираться в утилитарную проблематику, а живые коммуникабельные эйдосы-идеи⁶ Платона (Платон, 1999) превратились в абстрактные «ноумены» И. Канта, «ноэмы» и «ноэзы» Э. Гуссерля, т.е. в понятия, категории. При этом попытка приписывать ответственность Платону за выхолощенные категориальные абстракции немецкой философии выглядит, по меньшей мере, наивно (Хабермас, 2006). А представлять Сократа чудачком,

спутовавшим идею и жизнь и принявшим глупую смерть, было бы попросту пошло.

В этот ключевой период истории западного мировоззрения, еще не противопоставлявшего себя восточному, в «Диалогах» Платона обрела жизнь и развитие *идея ноэзиса* (Платон, 1999). Строго говоря, образ идеи (или идея образа) Нуса (ноуса) возникла у Анаксагора, одного из первых по-настоящему опальных западных философов. Подразумеваемая под ноусом источник активного интуитивного ума, организующего материальные процессы и пронизывающего их, он отметил его принципиальное качество *несмешиваемости* с этой материальной стороной жизни. *Это единство проникающей активности и несмешиваемости поэтического в физическом оказалось крепким орешком для всей классической философии и уже постнеклассической физики* (Бом, 1992). Многим здесь виделся дуализм, разграниченность материи и духа, которого на самом деле нет (Уилбер, 2004), с одной стороны, и с другой — как следствие — невозможность холистического единства, которое на самом деле есть (Шелдрейк, 2005).

Проблема заостряется еще тем, что феноменология душевной, психологической динамики эйдосов показывает ее удивительную свободу относительно фундаментальных свойств физического мира — *транстемпоральность, гиперпространственность, сокровенность* (информации) и *«преэнергетичность»* (отмеченная в идеомоторных актах и аутотренинге) (Кабрин, 2005). И здесь самое время вспомнить о *свободе выбора* Сократа в его диалогах в отношении к жизни в целом, свободе жертвования древних в отношении «высших сил» в мистической,

⁶ Эйдос — понятие древнегреческой философии, широко разработанное Платоном, Аристотелем, неоплатониками и др., содержащее более целостное представление о духовной направленности душевного состояния, по сравнению с таким терминами современной психологии, как образ, мысль, понятие. Поэтому в современной литературе эйдос определяется не просто как идея (Платон), но как чувствознание, мыслеформа. В данной работе мы обобщаем представления об эйдетическом как характеризующим все целостные душевные состояния, а не только то, что сохранилось в современной психологии как «эйдетическая память, эйдетическое воображение».

трансцендентной коммуникации. *Свобода смыслообразования в нозетическом процессе и свобода вхождения в коммуникацию* (вплоть до вхождения в мир иной) оказываются очень соразмерны и синхронистичны (Юнг, 1997). Можно предположить, что это две стороны, два плана единой душевной жизни в нозеисе.

Эту «совестную», ответственную или отзывчивую свободу целостной душевной жизни в нозеисе осознавали и отмечали очень разные мыслители многих эпох. Я назыву лишь последних и тех, к кому не могу не апеллировать в этой работе в психолого-антропологическом аспекте. В нозетическом смысле они синхроничны и соразмерны, поэтому напишу их в алфавитном порядке: Р. Ассаджиоли (1994), М.М. Бахтин (1979), Г. Бейтсон (2000), А. ван Каам (1998), В.И. Вернадский (1993), Л.С. Выготский, С. Гроф (1994, 1995), З. Луиджи (2004), А. Маслоу (1997), В.В. Налимов (1989, 2000), П. Тейяр де Шарден (1987), П. Тиллих (1995), Дж. Уайт (1996), К. Уилбер (2004), В. Франкл (1990), Р. Шелдрейк (2005), К.Г. Юнг (1997), К. Ясперс (1994). Если я кого-то забыл или еще не знаю – это не слишком важно, поскольку каждый из них является входом в голографическую нозетическую вселенную.

Коммуникативный подход и коммуникативный универсум исследования ноодинамики душевной жизни человека

Выше были очерчены самые общие контуры метаисторической вертикали развития в понимании масштаба и глубины коммуникативной природы проявления нозетического процесса на уровне душевной жизни человека. При этом пришлось избежать множества напрашивающихся

детализаций, поскольку основная задача данной работы – раскрытие основных аспектов коммуникативного подхода (А.А. Бодалев, Б.Ф. Ломов) как постметодологической⁷ перспективы антропологической психологии (Кабрин, 1982, 2002).

Замечу, что также вынужденно выпускаю из рассмотрения *горизонтальный план* многочисленных работ, в которых *человеческая коммуникация выступает как предмет исследования* в различных междисциплинарных ракурсах. В ситуации «парадигмального сдвига» возникает необходимость очертить многомерный и многоуровневый «коммуникативный экран», точнее, «коммуникативный универсум», в котором бы непосредственно проживалось и выражалось все *многообразие ноодинамики душевной жизни*, определяющее ее качество, полноценность и эффективность.

И здесь настало время заострить специфику проблемы. Ноодинамика⁸, эйдетика воображаемого – это *неочевидная* сторона коммуникации, синхронистичная ее особым степеням свободы, т.е. *неочевидным*, отличающимся

⁷ Постметодология – в операциональном смысле в континууме научного исследования это полюс, противоположенный понятию методологии как науке о методе. Речь идет о рассмотрении возможности преодоления исследовательской ограниченности психологических методов, построенных в основном на базе естественно-научной парадигмы, ориентированной на объективацию, ведущую к неизбежному редукционизму. Постметодология, освобождающаяся от ограниченности метода через аутентичную коммуникацию ориентирована на получение наиболее релевантной информации о душевной жизни через возвращение к классическому принципу – мерить подобное подобным.

⁸ Ноодинамика – в операциональном смысле это динамика эйдосов, идей, имеющих энергетический и транскомуникативный резонанс у человека или социума.

от степеней свободы физического мира (Ассаджиоли, 1994; Полборн, 2003; Штайнер, 1991). *Свобода смыслообразования* от непосредственных и любых опосредованных дистантных детерминант физической ситуации и возможность смыслообразования по соответствию с высшими ценностями (В. Франкл) или в *глубине совести* (К. Ясперс) – это иной ракурс той же *принципиальной свободы коммуникативной ноодинамики человека*. В этом суть специфики коммуникативного подхода в психологии (и смежных науках), в отличие от деятельностного, системного, синергетического и холодинамического подходов, не замечающих принципиального значения коммуникативно-ноэтической свободы человека. Позволю себе несколько афористических комментариев к этому.

- *Душевность не закована в отражательность*. Если микроскопом можно забивать гвозди, то это не значит, что он не обладает существенно более важными возможностями. Если в эйдосах-образах отражаются предметы физического мира, это не значит, что они не обладают более важными свойствами – выходить за рамки очевидности.

- Высокоорганизованные (нетривиальные) свойства систем (саморазвитие, целеустремленность, самопотенциализация) невозможно объяснить даже во множестве петель обратных связей (Ф. Капра) без ноо-коммуникативного выхода в новые степени свободы, предлагающего транссубъективные отношения более высокого порядка (Капра, 2003).

- Приписывание самой материи (физическому) сверхъестественных холодинамических возможностей на основе постулирования «скрытого порядка» или «сома-значимости» (Д. Бом)

выглядит новой антропоморфизацией материи (неанимизм, неоматериализм) (Бом, 1992).

- Слепая случайность бифуркации просто не соотносима с принципиально новыми степенями свободы ноокоммуникабельности, переживаемыми и понимаемыми человеком в виде транстемпоральности, гиперпространственности, сокровенно-значимости и преэнергетичности.

- Если в деятельностном подходе коммуникация (общение) рассматривается как вид деятельности, то в коммуникативном подходе сама деятельность является лишь одним из видов общения с миром или человеком, причем *недеяние* (поступок) может стать высшей формой «деятельного» общения. («Истинный джентльмен тот, кто умеет играть на саксофоне, но никогда этого не делает» (Б. Шоу).)

Теперь рассмотрим более систематично основные уровни и планы коммуникативного универсума, в котором реализуется, выражается неочевидная ноодинамика душевной жизни человека с ее неординарными степенями свободы (воображаемого).

Базовое допущение о существовании и существенности коммуникативного универсума

Свобода встречи. В физическом мире мы находимся в пучине взаимодействий с их соответствующими детерминациями. Это фатально. Коммуникация, в отличие от взаимодействия, всегда может быть свободна от этих физических детерминаций. Поэтому наши встречи *возможны, но не гарантированы*. Ноэтический смысл встречи сам порождает так называемые *случаи*, которые могут стать главными *событиями* нашей жизни.

Смыслообразование в коммуникации соответствует ноодинамике, которая неочевидна, но доступна вашему воображению как ее внутреннему фактору. Однако необузданность и безосновательность ваших фантазий о партнере может встретиться с аналогичными фантазиями партнера о себе и о вас. Только в таком коммуникативном процессе встречи возможна взаимная со-организация и синергия эйдосов.

Таким образом, коммуникативный процесс встречи организует смыслонаполнение эйдетики отношений, которое и определяет неочевидное, но переживаемое их качество полноценности как новое измерение — коммуникативно-ноэтический универсум (Кабрин, 2002).

Базовая коммуникативная ситуация

Развитию теории коммуникации и теории ноэзиса не везло во многих отношениях. Возникновение письменности постепенно породило фетиш языка как самостоятельной сущности, при всей очевидности, что он может жить лишь в коммуникации (сейчас видятся и вытекающие из этого посылы «извраты» сознания). Общая лингвистика, «Генеральная семантика», психо- и социолингвистика в лучшем случае ссылались на «субъекта», интерпретатора языка, но не коммуникации. При чтении монблана литературы такого плана у меня возникало двойственное ощущение относительно такого абстрагирования: важно или выгодно? Все классические абстракции относительно семантической сущности языка обобщались по-разному. В одном из классических определений Ч. Морриса «семиозис» включает: знак (что указывает), десигнат (на что указывается), интерпретанту

(значение) и, может быть, и интерпретатора (Моррис, 1983).

В скрупулезном анализе уже коммуникативных функций и действий в известных моделях Р. Якобсона, Р. Барта, Ю. Хабермаса, Г. Бейтсона и даже в «оцифрованном» их варианте у П. Вацлавика не артикулируется «базовый квадрат» самой коммуникативной ситуации в целом, где не столько компоненты, сколько их активные взаимоотношения имеют значение для сути происходящего. Добавляя к семантическому «треугольнику» четвертый компонент (адресат, согласно модели Р. Якобсона), мы увидим интерактивную синхронизацию уже удвоенных компонентов по всем направлениям (Барт, 1975; Бейтсон, 2000; Вацлавик, Бивин, Джексон, 2000; Якобсон, 1993).

В нескольких работах я пытался выразить этот «крест коммуникативных отношений». Здесь необходимо сделать из него основные методологические и постметодологические следствия (рис. 1).

В схеме развернуты, как минимум удвоены, известные интерактивная (горизонтальная) и информативная (вертикальная) оси коммуникативной ситуации, без любой из которых невозможна элементарная коммуникация. Попытки изучать их отдельно стратегически наивны, т.к. оси взаимозависимы и взаимопроницаемы (это не декартова абстрактная система координат). Иными словами, в дальнейшем приближении (анализе) будет очень трудно (если не невозможно) реабилитировать выхваченные абстракции.

Представим: субъект (А), обращаясь к «партнеру» (В) (такому, каким он видится в его глазах), понимает, что он как субъект (В) в его же глазах (субъекта А) воспринимает по-своему его,

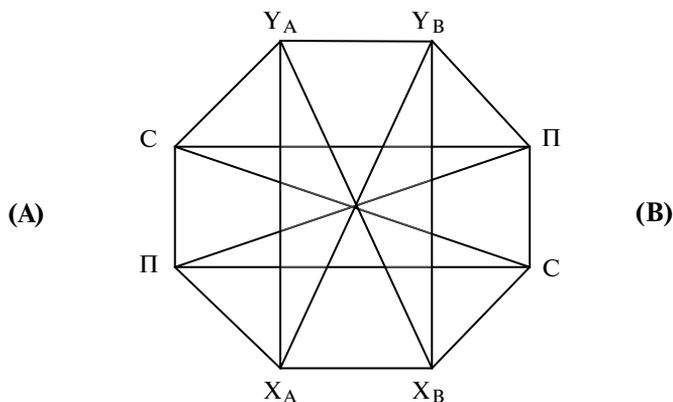

Рис. 1. Базовая коммуникативная ситуация:

(А) и (В) – условные, функционально или виртуально дифференцированные «коммуниканты» (поскольку вся драма К-ситуации может разворачиваться в одном человеке); С – субъект, П – партнер – основные функциональные К-позиции коммуникантов (здесь субъект-объектная парадигма уже не адекватна, а «партнер» далеко не равнозначен «объекту»); X_A и X_B – предметы, а точнее, разные «денотаты» (может быть, одного объекта) общения, соответственно, в коммуникативных субъект-партнерских системах (А) и (В) коммуникантов; Y_A и Y_B – семиотические означивания (коды) (А) и (В) коммуникантов

субъекта (А) как партнера и в зависимости от этого эксплицирует или нет свойства предмета и его языковые интерпретации.

На этой схеме нет «зеркального» отображения той же ситуации глазами коммуниканта (В), так как это показалось бы нереально сложным. Однако схема кажется сложной разуму (когда ум зашел за разум), требующему рассуждения, рассудка. Ноэтически эта проблема разрешается не так уж трудно, на уровне *интуитивного ума*, актуализируя у участников «чувство такта» (интерактивная ось) и «чувство стиля, языка» (информативная ось).

Кроме того, в целом эта коммуникативная ситуация представляет собой голограмму, «систему зеркал», где каждый компонент реально, психосемантически отражается во всех остальных, таким образом влияя на всех. Так, например, потенциально, виртуально

и фактически любой компонент коммуникативной ситуации может стать предметом разговора или же средством означивания любого из компонентов, включая самое себя. Подобная эквилибристика виртуозно получалась у Ф.М. Достоевского, с чем он и вошел в историю.

Учитывая непроговоренность большинства из этих аспектов, даже в силу простого дефицита времени, мы вынуждены жить, тем не менее, в столь *неочевидной реальности*. Из таких непроявленных «точек» состоит «имплицитное» коммуникативное пространство основных форм общения. В то же время они указывают не только на свободу коммуникативных инициатив, но и на сверхдинамизм этого коммуникативного пространства смыслообразования. В процессе общения постоянно меняется смысл всех компонентов и связей в коммуникативной ситуации. При этом явно ощущается *общий смысл*

происходящего, *центрирующий* все указанные процессы.

Эту иную ось (как иное измерение в схеме коммуникативной ситуации), этот динамизирующий и трансформирующий коммуникативную ситуацию процесс с сохранением преемственности смыслообразования мы называем *транскоммуникацией*.

Транскоммуникативный универсум

В разное время (начиная с 1992 года) я дал множество различных интерпретаций универсального феномена транскоммуникации⁹ в разных контекстах и задачах (Кабрин, 1992). Здесь я это делаю в контексте базовой коммуникативной ситуации, чтобы развеять иллюзию ее стабильности в силовом поле структурирования (рис. 2).

Динамизм смыслообразования задан базовыми противоречиями между всеми компонентами коммуникативной ситуации, которые, стремясь к взаимозамещению или соответствию, конституированы взаимными оппозициями и различиями. Если при этом мы помним, что коммуникативная

ситуация — это схема *процесса*, то динамизм внутренних трансформаций может выглядеть весьма драматичным.

Приведу пример *феномена одно-временной обратной связи* в общении. Этот феномен вовсе не обсуждается в соответствующей литературе, и напрасно. Наше общение, как правило, визуально-аудиальное. Если я обращаюсь к партнеру вербально, внешне вроде бы произнося длинный *монолог*, то партнер уже в качестве субъекта (коммуникатора) обязательно выдает мне множество посланий по визуальному каналу (с помощью мимики, жестов, паузы, пантомимы, дистанции и т.п.), управляя, по сути, моим монологом (если я не слеп к обратной связи) и тем самым превращая его в настоящий *диалог*. Трансмодальные (визуально-аудиальные) трансформации внутри каждого коммуниканта и между ними, меняющие смысл коммуникативной ситуации, я называю здесь транскоммуникацией, возможно, в самом простом, почти очевидном ее проявлении.

Если же мы в этом контексте осмыслим, поймем, что когда при общении с «автором книги» нас как-то по-особому осенило новое движение души, на глаза навернулись слезы, в горле встал ком, изменилось сердцебиение, прошиб озноб, т.е. фактически изменился метаболизм на субклеточном и прочих уровнях, мы поймем, что *такая транскоммуникабельность может быть основой целостности жизни*, ее здоровья, гармонии или дисгармонии на всех уровнях жизни: *от метаболизма до мировоззрения*. Поэтому *транскоммуникабельность* есть возможность общения с другими людьми как с *инаковыми*, иными мирами, а значит, и с разнопорядковыми мирами братьев наших меньших и сущностей более

⁹ Транскоммуникация — в операциональном смысле это способ общения «инаковых», когда другой человек воспринимается не как себе подобный, а, прежде всего, как Другой (в некотором смысле как тайна). Более сложные формы транскоммуникации касаются общения разномасштабных, разномерных, разнопорядковых существ, обладающих качественно разными возможностями символизации, ведущей к смыслообразованию. Это понятие необходимо для осмысления ноэтической целостности человека при огромной разномасштабности составляющих его миров (геномного, клеточного, органического, биологического, культурного), а также включенности его в миры еще большей размерности (группа, социум, культура, история, космос...). Здесь акцент делается на возможности возникновения именно смысловых, эмпатийных синхронистичностей (К.Г. Юнг), определяющих духовную (ноэтическую) целостность жизни.

высокого порядка — культурными ментальными эгрегорами, ноосферой...

Транскокоммуникация, высвобождающаяся из пут традиционной нормативной коммуникации, становится созвучнее, синхронистичнее гипердинамике¹⁰ ноэтического процесса жизни эйдосов. А транскокоммуникабельность — соразмернее высоким, светлым эйдосам; она вызывает к жизни интуитивный ум человека, преображая его в самых разных направлениях, в том числе с указанными уровнями гармонизации души и тела. Если эти процессы переходят в план *неочевидной повседневности*, то внутренний свет (энергия) души может засиять ровно, устойчиво, согревая других и себя.

Простейшие проявления *ноэтических преображений*, движений души известны давно. В предыдущих работах я показал их *соответствия основным лучам транскокоммуникации* (Кабрин, 2005). Здесь уместно обратить на это внимание как на ключевой пример ноэтического смыслообразования в транскокоммуникативном процессе.

А. Катарсис — ноэтическое очищение; проявляется и осуществляется в рассмотренном ранее примере телесно *нисходящей транскокоммуникации* (НТК).

В. Импринтинг — таинственное ноэтическое запечатление воспринятого; осуществляется с определенной долей завораживания в открытой проникновению *импрессивной транскокоммуникации* (ИТК).

С. Экстаз — желание выразить невыразимое, ощущение наполненного

чувствознанием и мыслеформой эйдоса как гештальта; толкает выйти за рамки обычного и показать необычное в *экспрессивной транскокоммуникации* (ЭТК).

Д. Инсайт — озарение, просветляющее ранее невидимое, открывающее новое, более высокое; происходит в *восходящей транскокоммуникации* (ВТК).

Ноэтическое духовное соприкасается с душевным именно в *пиковых переживаниях*, связанных с процессом *расширения сознания* в область неочевидного «великого». Именно это имел в виду А. Маслоу, говоря, что обычно люди *пугаются собственного величия* (Маслоу, 1997).

Транскокоммуникация как динамическая синхронизация разнопорядкового (духовно-душевно-телесного) позволяет реально работать с этим неочевидным опытом. Транс, расширяющий границы переживания, опыта, осознания в транскокоммуникации, обнаруживает позитивно преображающий эффект базовых структур собственно *личностного* опыта.

Психиатрам пришлось в свое время дать сугубо патологическую интерпретацию феноменам транс, экстаза, импринтинга, паранойи. Однако в контексте данной работы должно стать понятно, что мы восстанавливаем их позитивные и потенциальные аспекты. Таким образом, базисное пространство транскокоммуникативного универсума ноэзиса (аналогично базисной коммуникативной ситуации) можно представить также в виде «транскокоммуникативного креста», только более цельного (рис. 2).

Таким образом видим, что иное измерение элементарной коммуникативной ситуации открывает иной транскокоммуникативный мир пиковых ноэтических переживаний, доступных

¹⁰ Гипердинамика — в данной работе это понятие употребляется в качестве одной из характеристик транскокоммуникации; имеется в виду необычная динамическая подвижность пиковых душевных переживаний (катарсис, инсайт и т.п.) в транскокоммуникативном процессе.

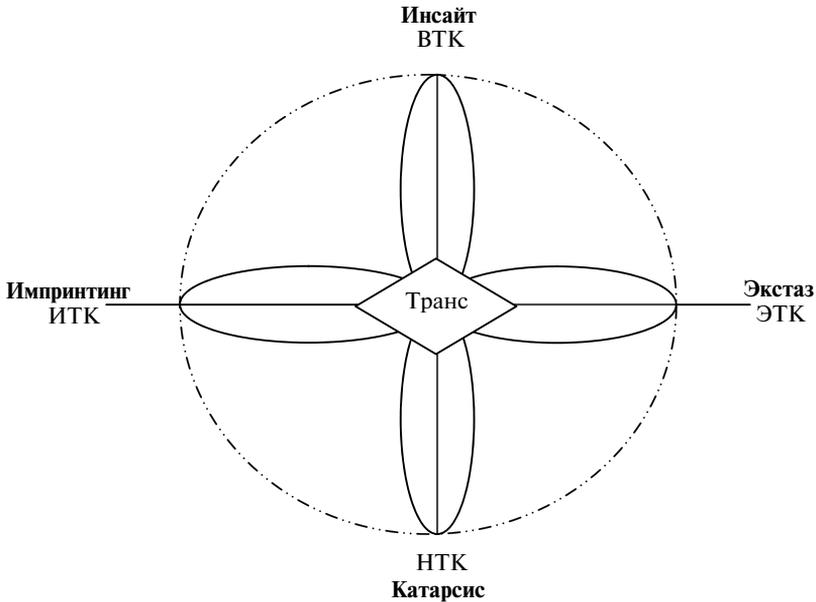

Рис. 2. Транскоммуникативный универсум динамики базовой коммуникативной ситуации. Здесь четырехмерная восьмерка показывает голографичность (или фрактальность) единого поэтического транскоммуникативного процесса

интуитивному уму, т.е. собственно поэтическому процессу. Он легко доступен открытому для него человеку, на основе процесса исчезают все сложные переплетения базовой уникальной ситуации. Например, на основе удивительно нового чувства *Мы*. Однако смысл свободы коммуникативной интенции (инициативы) продолжается здесь в том, что это поэтическое транскоммуникативное движение-открытие *не гарантировано*. Человек может остаться глух к динамике этих процессов и тогда будет отрицать их существование. Заметьте, это логично и естественно, если мы остаемся в нормативной коммуникативной ситуации, *не выходя* в иное измерение неочевидного.

Мы рассмотрели, по сути, транс-поэтические аспекты возникновения, развития и умирания любого коммуникативного отношения человека,

в котором разворачивается, реализуется его духовно-душевно-телесная жизнь. Без транскоммуникативного процесса и *потенциала* такое отношение обречено на формализацию, выхолащивание, омертвление.

Сама жизнь показывает нам неизбежные причуды транзитивности, трансформативности, преобразуемости основных человеческих отношений. Этот процесс обозначим как *потенциализация* (депотенциализация), если он связан с переходом от обычных коммуникаций к транскоммуникациям (Дергачева, 2002).

Транскоммуникативная потенциализация жизненных событий в контексте ноодинамики

Переходы, «вылеты» из обычных коммуникативных процессов в транскоммуникативные связаны с открытием

или освоением нового потенциала жизни. Однако такие *события* мы могли наблюдать экспериментально лишь в кульминационные моменты недирективной групповой динамики (в группах встреч и группах экзистенциального опыта). Это же можно наблюдать в отношениях, когда взрываются нормативные ожидания (измена, грабеж, соблазн, смерть и т.п.), и человек оказывается на пороге неопределенности.

Сложность традиционного анализа таких событий в том, что сам наблюдатель-интерпретатор должен оказаться *внутри* этого процесса. Иначе и видение, и интерпретация будут неизменно искаженными. Здесь обнаруживается необходимость *постметодологической парадигмы гуманитарного исследования*¹¹.

Если войти в классический цикл коммуникативного *такта* (Б.Ф. Ломов), то мы обнаружим взаимную а) аттракцию, б) эмпатию, в) синтонность, д) аффилиацию. Нужно найти тот уровень «выхода из себя», тот *уровень децентрации*, когда процесс становится *транскоммуникативным*. И тогда эти же фазы цикла будут выглядеть иначе:

- а) *стресс-мобилизация* открытости;
- б) *реориентация* и расширение взаимного принятия;
- в) *метаморфоза* – трансформация синтонности – синхронистичности отношения;
- д) *осуществление потенциала* новой формы жизни.

Ранее этот потенциал мы называли *потенциалом стресс-транс-формации*, исследования которого подтвердили

его существенные связи с характеристиками личностного роста, в том числе и в рамках тренинговых программ (Лебединская, 2008; Пяткова, 2007).

В данной модели транскоммуникативной потенциализации мы имеем следующее приближение к пониманию коммуникативной реализации ноодинамики, актуализации собственного поэтического потенциала неочевидной повседневности. Даже наблюдая за игрой, например теннисистов (волейболистов и пр.) высокого класса, нетрудно понять, что борьба и «победа» совершаются не в момент судейского решения, а в момент контакта ожиданий, намерений и предвосхищений, как ноодинамических процессов, в транскоммуникациях игроков. Речь идет о моментальных потенциализациях удачи, победы, любви.

Но потенциализация отношения может оказаться главной целью или ценностью всей жизни. Не случайно в большинстве волшебных сказок, хранилищ архетипов, можно увидеть бесконечные вариации описанного выше сюжета – цикла потенциализации (стресс-мобилизация – реориентация – метаморфоза – новая форма – потенция). Симптоматично, что последняя фаза таких сказок часто удостоивается одной фразы (после всех-то приключений): «с тех пор они жили долго и счастливо и умерли в один день» (Хиллман, 1996). Не менее поучительны психологические персонажи таких легенд, мифов, сказок, «застрявшие», «забуксовавшие» в одной из этих фаз.

Застревание на каждой из четырех фаз само по себе настолько символично, что кристаллизовалось в ярких сказочных персонажах.

Стресс-персонажи – «застрявшие в стрессе, фиксирующие защитные

¹¹ Кстати напомним, что само понятие «парадигма», которым озаботились ученые в связи с работами Р. Куна, восходит к Платону, который под ним понимал «организующий эйдос».

границы», т.е. в зерне, в яйце, в стереотипе, шаблоне и т.п., в общем, «сухофрукты». В сказках: «Гадкий утенок» – жертва чужих ожиданий; «Лиса и виноград» – жертва самомнения или самооценки; «Свинья под дубом» – жертва наивного интеллекта; «Кощей» – парадоксальное ожидание смерти; и даже «Снегурочка» – фатальная жертва неудачного творения. Сюда относятся все типы «оранжерейных индивидуумов».

Транс-персонажи – «заигравшиеся в переходе». В сказках это «Лиса и колобок», «Лиса и петух», «Лиса и ворона», «Лиса и заяц», «Лиса и волк», «Волк и ягненок», «Медведь и теремок» и даже Сизиф, обреченный катить камень в гору, или современный горнолыжник.

Метаморфные персонажи – «скрывающие до поры немислимый потенциал новой формы». В сказках это «Илья Муромец», «Царевна-лягушка», «Спящая красавица», «Золушка», «Чудовище».

Персонажи свободной потенции – «обладающие неограниченными возможностями». Это добрые и злые боги, феи, джинны, волшебники, их помощники и даже парадоксальный Иван-дурак.

Базовые коммуникативные отношения человека и их транскоммуникативная потенциализация

Базовые *отношения жизнетворчества* унаследованы нами как плод многовековой эволюции и в этом смысле проявляют себя как неизбежные, даже фатальные. Поэтому их осознание также является неизбежным условием полноценного существования современного человека. По сути, они отражают четыре основных

пласта эволюционного развития человека как существа *растительного, животного, социального и культурного*.

Можно сказать, что потенциал трансформации этих отношений в образовании лежит в основе определения системы коммуникативных и личностных компетенций участников образовательного процесса.

а. Паразитарные отношения (творчество выживания), в которых мы существуем за счет других, точнее, поглощая других, ассимилируя их в собственный жизненный мир. В контексте образования, например, ученики в учителе неизбежно ожидают и видят «материнское или отцовское начало». Чтобы не быть ханжой, учитель должен понимать, что паразитарные отношения пронизывают нашу жизнь не только экспансивно, «горизонтально» (по сферам), но и вертикально, «снизу доверху». Зачатый плод почти насильственно присасывается к материнскому чреву и заставляет женщину становиться матерью. В дальнейшем разрастающийся материнский инстинкт (другая сторона паразитарного отношения) не выпускает из своих объятий отпрыска, который уже давно созрел для автономной жизни. В свою очередь материнское начало учителя, преподавателя не менее десяти–пятнадцати лет провоцирует достаточно автономного школьника на сохранение этих паразитарных отношений, вплоть до получения аттестата зрелости и даже диплома специалиста. Поэтому не стоит удивляться, если школьники и студенты ожидают продолжения такого типа отношений.

Этот тип первичной идентификации человека со сферой выживания, в котором реализуется паразитарный

эгоизм, обозначается нами как **интракоммуникативные** отношения (еще замкнутые, но уже децентрированные). Этот уровень отношений определяется исходными внутренними свойствами индивидов, здесь интересубъективный контекст еще не сформирован.

Трансформация *паразитарных отношений в отношения служения* возможна при актуализации общего мировоззренческого контекста, где позитивное отношение к миру и к эволюции является ключевым. Жизнь тотально паразитарна, поскольку все более высокие формы жизни существуют за счет поглощения или ассимиляции более простых форм. Ноэтическая потенциализация отношений на этом уровне может рассматриваться как переход от исходно агрессивных отношений взаимопоглощения и взаимоистребления (дидактический диктат и эксплуатация) к конструктивным отношениям взаимного служения, обеспечивающего социальную преемственность организаторов и исполнителей (они находятся в одной лодке и взаимно ответственны за качество жизни друг друга).

б. Симбиотические отношения (полезное творчество), в которых мы терпим других в той мере, в какой они нам выгодны в самом широком смысле — от источника пищи до источника высоких наслаждений. Важно на этой основе управлять формированием *взаимовыгодных отношений* по возможности с каждым партнером. Здесь открывается возможность учитывать и оптимально задействовать сильные и слабые стороны партнеров, их индивидуальные особенности. Важно понимать глубинную укорененность этого типа отношений, проявляющихся уже на ранних этапах развития животного царства. Можно найти тысячу примеров гениального

симбиоза, обеспечивающего взаимное выживание животных разных ступеней эволюции. Например, союз птички и бегемота, одинокой домохозяйки и ко-та. Этот тип адаптивных, ситуативно-ориентированных на внешние свойства среды отношений обозначается как **экстракоммуникативный**.

«Эволюционная обязанность» — научиться договариваться с *очень разными* существами. Трансформация *симбиотических (инстинктивно-корыстных) отношений* возможна в ноэтические отношения *согласия, договоренности и контракта*.

с. Социальные отношения (достоинное творчество) — плод истории социума. Жизнь человека в социуме с доисторических времен оформляется в виде отношений «социальной иерархии», «социального порядка», «социального долга» и в конечном счете — *власти*. Социум живет в несоразмерно больших пространственно-временных масштабах, чем отдельная особь. Поэтому неизбежный процесс социализации индивида заключается в приобщении его к исторически оформленным *ритуальным, статусным, ролевым отношениям долженствования*. Они часто отягощены взаимным недоверием и подозрительностью в несправедливости и фальши, прикрытой изощренной идеологией.

Статусно-ролевые отношения «организатор—исполнитель» развиваются как взаимное принятие своих прав и обязанностей в отношении друг друга и формирование соответствующих взаимных ожиданий. Поэтому такие отношения обозначаются как **интеркоммуникативные**. В этом контексте образуется множество представлений людей друг о друге в разных ситуациях взаимодействия, называемые персонализациями. Эта множественность

и противоречивость персонификаций в отношении друг друга раскрывает сложности такого типа отношений.

Поэтическая трансформация деперсонализированных властных отношений возможна в *личностные достойные отношения* взаимной порядочности, честной игры, прозрачности и справедливости. Они кристаллизуются в традиционной культуре в виде справедливого долга и связанных с ним чести и достоинства (гражданин – отец, учитель – ученик). Этот тип отношений до сих пор далек от совершенства и является горячей точкой культуры вообще и культуры образования в частности. Поэтому эффективное понимание долга и справедливости чаще всего является и проблемой образовательного процесса.

d. Автономные отношения (свободное творчество). Стремление к автономии, самодетерминации, самореализации современные психологи относят к базовым врожденным потребностям человека, определяющим его общий потенциал развития и потенциал достижений. Они являются основой альтруистических отношений, бескорыстность которых рождается из глубинных потребностей или внутренней мотивации к исследованию, новизне как таковой, коммуникабельности и компетентности в отношениях. В социальном контексте нужна особая *отвага вступления в бескорыстные отношения*.

Разговоры о бескорыстных альтруистических отношениях часто выглядят ханжескими, лицемерными, поскольку большинство людей имеют горький опыт открытия в них тех же замаскированных корыстных и паразитарных отношений. Ощущение несбыточности надежд построения таких хрустально-чистых отношений базируется

на плохом понимании природы собственно человеческого общения.

До сих пор в специальной литературе, посвященной психологии общения, наиболее распространенными являются «концепции обмена» информацией, чувствами и т.п. При этом не осознается и не раскрывается главный специфический фактор общения, отличающий его от простого обмена. В обмене партнерами контролируется соотношение затрат и вознаграждений, т.е. уже знакомый принцип выгоды. Понятно, что при этом человеческое общение низводится до описанных выше симбиотических отношений. Однако, говоря о человеческом общении, принципиально важно понять, что *бескорыстный альтруистический* его аспект заключен в самой его природе. Подумайте о принципиальном различии двух простейших ситуаций.

1. Вы спонтанно решили обменяться с коллегой фруктами. Вы отдали ему свое яблоко, а он вам свой апельсин. Дети при этом открыто бы начали рассуждать, что вкуснее, что больше и кто в выигрыше. Мазохизм ситуации в том, что чувство обретения апельсина не стирает чувства утраты яблока. Это как в интермедии Р. Карцева с раками: по пять рублей, но большие, по три рубля, но маленькие. Как часто азарт обмена загоняет людей в тупик.

2. Вы узнали об удивительном благотворном действии на здоровье человека простого яблока и поделились этим с коллегой, а он по ассоциации рассказал вам об уникальных свойствах цитрусовых. В этом диалоге никто ничего не утратил, но обрел каждый. Даже более простые разделенные знания оказываются в диалоге удвоенными.

Этот тип отношений, содержащий чудо самовозрастания, мы называем

транскоммунитивным (в соответствии с концепцией транскоммунитивации). Поэтому в моих работах подчеркивается, что *коммуникативный альтруизм как транскоммунитивация является базовым принципом свободного жизнетворчества*, а также является конституирующим атрибутом человеческой природы.

Таким образом, трансформация и потенциализация автономных *комплиментарно-уважительных* отношений возможна в *отношениях доверия, доброты, милосердия, симпатии и любви*. Этот высокий тип отношений строится на взаимной эмпатии, выходящей за рамки исполняемого долга. Это отношения, открывающие чудо человеческого общения в виде взаимного дара. В них общение лишено утрат и делает человека щедрым и великодушным в силу естественного преодоления проблем корысти и долга. Здесь взаимная доброта является бескорыстной наградой каждого и каждому. Но именно в этом типе отношений может полноценно раскрываться и реализовываться творческий потенциал достижений созидательного жизненного процесса.

Метакоммуникация и метаноэзис: коммуникативный мир человека ноэтического

Возвращаемся к понятию *метакоммуникации* как универсальному потенциалу коммуникации человека на протяжении всей его истории, предыстории и будущего. Об этом говорилось в начале работы, сейчас можно сделать важные уточнения и углубления перспектив этого самого человеческого феномена.

Метакоммуникация не сводится просто к «двойному сообщению» (по Г. Бейтсону), или к «коммуникации о коммуникации» (П. Вацлавик), или к «магическим» «поэтическим», «мета-

языковым» функциям языка (в системе Р. Якобсона), или к семиологической истории метаязыка (Р. Барта), или даже к «социальному действию» в теории Ю. Хабермаса (Барт, 1975; Вацлавик, Бивин, Джексон, 2000; Хабермас, 2006; Якобсон, 1983).

Древний человек вздымал руки к высшим силам, затем к богам, затем к *Единому*, чувствуя несоразмерность масштаба этого призыва ни прагматической, ни социальной, ни исторической ситуациям. И сегодня этот метакоммуникативный призыв превосходит любые критические, нигилистические, циничные интерпретации цивилизации и культуры. Это переживание или предчувствование трансцендентного присутствия, точнее со-присутствия (В. Франкл), как «высшего единого третьего», делает любую коммуникативную встречу метакоммуникативной (очень часто «знаки» этого осознаются) (Франкл, 1990). *Транскоммунитивация в этом контексте является сверхдинамичным фактором межуровневой сообщаемости разнопорядковых миров в едином метакоммуникативном универсуме, соразмерном ноэтическому универсуму высших порядков.*

Уточним базовую парадигму *метаноэзиса*¹² человеческой жизни в целом (в отличие от рассмотренного выше «микроноэзиса» момента). В свое время мною была высказана гипотеза о возможности постижения и описания целостного *метаноэтического* цикла жизни человека, опираясь на идеи мистической практики средневекового христианства. Дж. Уайт создал афористическую формулу ноэтической трансформации (путь от ортонойии

¹² Метаноэзис – слово, производное от древнехристианского *метанойя* – просветление, покаяние в духовном смысле (Дж. Уайт).

к метаноюе лежит через паранойю), обобщающей и древние мистические, и современные трансперсональные практики (Гроф, 1994, 1995; Уайт, 1996; Уилбер, 2004).

Для понимания полноты и трансцендентности этого цикла я ввел понятие «протоной», указывающее на изначальный духовный источник, одаренность, предназначение, «духовный кокон» ребенка как предпосылку духовного соприсутствия (христианство) или кармической сопричастности (буддизм). Эта первичная, диффузная, пластичная, доличностная *протонойальность переживаний ребенка* была отмечена З. Фрейдом как «океаническое чувство», К. Юнгом и С. Грофом — как «вселенское томление», «вселенская тоска», «вселенский ужас или безмятежность».

Без учета этого феномена сохраняется безответственная установка взрослых на механическую дрессировку ума-разума ребенка, школьника, характеризующаяся не только «бездушностью», но и жестокостью. Так искаженно формируемая *ортонойя* («правильный», конвенциональный, социализированный ум-разум) может существенно замедлить, исказить процесс нозитического развития, поскольку на выходе и без того болезненную *паранойю* молодого человека уже ждут психиатры с готовым *клиническим диагнозом*. Поэтому при современном высоком уровне цивилизации процесс инициации, «второго рождения в духе» (христианство, трансперсональная психология), т.е. прохождение паранойи на пути к метаноюе (покаянному, просветленному, благоговейному принятию жизни) оказывается весьма затрудненным. Чем активнее насаждаются социокультурные иллюзии, которыми пропитана

наша информационно-коммуникативная среда, тем труднее и болезненнее их развенчивание. Поскольку культура духовной инициации в «период паранойи» утрачена, а современные ростки мизерны, то в молодом и зрелом возрасте человек оказывается в *классической пустыне*, где к тому же его поджидают различные «пауки аддикций».

Поэтому проблема нозитического спровождения с детских лет не только в религиозном плане, но и на современном светском уровне обретает особую актуальность. При этом акмеологические модели, ориентированные на социокультурную эффективность, здесь обнаруживают свою относительность. Живой остается идея Христа, идея «Тибетской книги мертвых» — возможность предельной духовной трансформации вплоть до последнего мига жизни. Имея в виду метафору «стрелы духа», можно представить схему нозитического развития человека как «экспоненциальную функцию» *ускоряющегося духовного самовозрастания* в контексте соответствующих духовных встреч. Эти встречи могут быть маркированы согласно *базовым коммуникативным отношениям*, о которых шла речь в предыдущем разделе. Их потенциализация в простейшем традиционном виде может быть представлена как уровневая (последовательная) и межуровневая с учетом обратных влияний. А если приблизиться к многомерному холистическому пониманию *соответствий* коммуникативного и нозитического в жизненном мире человека, их можно представить в форме своеобразного цветка (метакоммуникативное простанство) с уникальной аурой (метаноэзис). Это можно представить, например, в виде двойного фрактала (рис. 3).

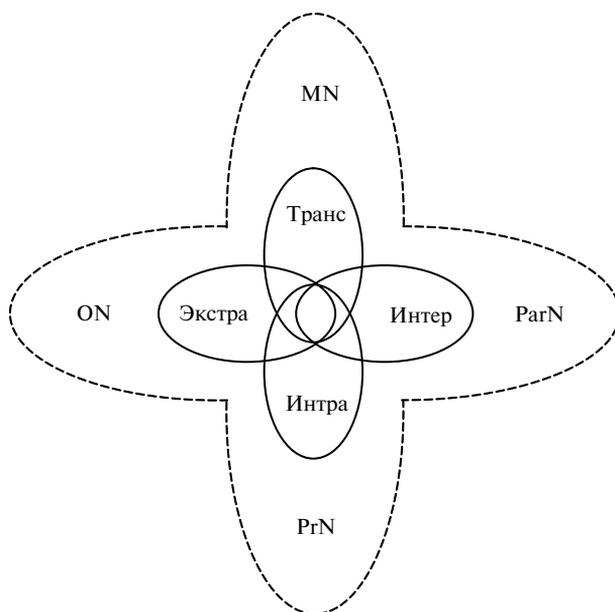

Рис. 3. Коммуникативный мир личности:

сплошной контур – метакоммуникативное пространство; пунктирный контур – метаноэзис; Интра – интракоммуникативное отношение; Экстра – экстракоммуникативное отношение; Интер – интеркоммуникативное отношение; Транс – транскоммуникативное отношение; PrN – протоноя; ON – ортоноя; ParN – параноя; MN – метаноя

Таким образом, коммуникативный мир личности, который эмпирически мы исследовали на достаточно поверхностном уровне (темы, партнеры, переживания, стресс-транс), в этой схеме обнаруживает универсальную глубину и полноту, сохраняя, однако, уже свою неочевидность (Кабрин, 2005).

В этом контексте коммуникативный мир личности представляет собой «микрониосферу», в которой человек как личность находит оптимум самореализации индивидуальности не только в дифференциально-психологическом смысле, но и в высших смыслах своего духовного предназначения. Конечно, это потребует принципиального пересмотра базового метода моделирования коммуникативного мира (ММКМ) с непосредственным выходом

на собственно его ноодинамику. Об этом мы уже писали в работах, посвященных постметодологии исследования, ориентированной на снятие грубых ограничений традиционных психологических методик, в которых все более изощренное опосредование приводит лишь к изощренной деформации результатов (Кабрин, 2008). А релевантный опыт остается в сфере неочевидного.

К постметодологии исследования и потенциализации неочевидной повседневности жизни

Проблема постметодологической ориентации психологического и гуманитарного исследования не так давно была мною поставлена в связи с постоянно усиливающимся ощущением принципиальной нерелевантности

методов, которые строятся в психологии на основе парадигмы естественных наук (2007 б). Тогда я говорил о принципиальной невозможности *объективации* «предмета» психологии. Последние заимствования психологии из области гуманитарных наук (семантика, феноменология, интерпретация, герменевтика и т.п.) выглядят курьезными, т.к. классики этих направлений сами пытались обосновать эти методы на базе психологии, что логично, имея в виду место психологии в системе естественных и гуманитарных наук. Если понимать, что в этом «пробеле» не просто неопределенность, а *иное измерение бытия*, тогда и проблему приходится ставить значительно серьезнее.

Положим, *неочевидность* (латентность, сокровенность, непостижимость) душевного как такового вряд ли кого-то удивит, как и бесчисленное множество попыток преодолеть этот барьер. Мы предлагаем ввести всего лишь временный мораторий на *методологизм* в отношении этой особой реальности и опробовать более непосредственные — коммуникативные, транскомуникативные, метакоммуникативные — *практики*, в которых можно искать реальные пути расширения, углубления и возвышения для осознания собственно душевного опыта.

Может быть, тогда мы действительно научимся мерить «подобное подобным» — движение души одного человека во Встрече с аналогичным движением души другого человека. Кроме того, мы помним, что транскомуникативный процесс обладает удивительным «морфическим резонансом» (Р. Шелдрейк) соответствия на разных уровнях бытия (Фокс, Шелдрейк, 2003; Шелдрейк, 2005). Если в улыбке и слезах жизнь клетки приходит в соответствие с жизнью

чувства-мысли на ноэтическом уровне, можно предположить и обратное — чувствознание и мыслеформа человека вдруг начинает соответствовать высшему источнику. Он непостижим и может ощущаться лишь символически (К. Юнг) или резонансно (Р. Шелдрейк). Этот метакоммуникативный зов и метаноэтический отклик в коммуникативном мире личности может существовать постоянно. «Человек действует спонтанно (творчески), пристально вслушиваясь в то, что зреет в планетарном сознании... Это платонизм. Человек не механически считывает, а творчески распаковывает континуум смыслов», — писал один из уникальных первых отечественных трансперсоналогов В.В. Налимов (Налимов, 1989).

Литература

- Ассаджиоли Р.* Психосинтез: теория и практика. М., 1994.
- Барт Р.* Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против» / под ред. Е.Я. Басина, М.Я. Полякова. М., 1975. С. 114–164.
- Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Ф.М. Достоевского. М., 1979.
- Бейтсон Г.* Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М., 2000.
- Бодалев А.А.* Личность и общение. М., 1983.
- Бом Д.* Развертывающееся значение. Три дня диалогов с Дэвидом Бомом. М., 1992.
- Ван Каам А.* Трансцендентальная терапия // Журнал практического психолога. 1998. № 6. С. 28–46.
- Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д.* Психология межличностных коммуникаций. СПб., 2000.
- Вернадский В.И.* Автотрофность человечества // Русский космизм: Антология философской мысли. М., 1993. С. 282–302.
- Вульф В., Ректор К.* Холодинамика вашей жизни. М., 1994.
- Гроф С.* Путешествие в поисках себя. М., 1994.

- Гроф С. Духовный кризис. Статьи и исследования. М., 1995.
- Дергачева О.Е. Автономия и самодетерминация в психологии мотивации: теория Э. Десси и Р. Райана // Современная психология мотивации. М., 2002. С. 165–190.
- Кабрин В.И. Коммуникативный подход в психологии и многомерная метрическая модель общения // Психолого-педагогические вопросы в организации учебно-воспитательного процесса. Томск, 1982. С. 75–99.
- Кабрин В.И. Транскоммуникативная и личностное развитие. Томск, 1992.
- Кабрин В.И. Личность как встреча // Личность в парадигмах и метафорах: ментальность, коммуникация, толерантность. Томск, 2002. С. 73–103.
- Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М., 2005.
- Кабрин В.И. Транскоммуникативные основания анализа ценностного мира человека // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива / под ред. А.А. Журавлева, А.В. Юревича. М., 2007 а.
- Кабрин В.И. Транскоммуникативный мир человека в постметодологической перспективе психологической антропологии // Коммуникативное измерение в психологической антропологии. Томск, 2007 б. С. 290–334.
- Кабрин В.И. «Химеры объяснения» и постметодологическая перспектива психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3, вып. 1. С. 153–165.
- Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. М., 2003.
- Лебединская С.В. Метафора в коммуникативной самореализации личности (на примере психологического тренинга): дис. канд. психол. наук. Томск, 2008.
- Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Луиджи З. Созидание души. М., 2004.
- Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1997.
- Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика / под ред. Ю.С. Степанова. М., 1983. С. 37–90.
- Налимов В.В. Спонтанность сознания. М., 1989.
- Налимов В.В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. М., 2000.
- Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды / под общ. ред. Д. А. Леонтьева. М., 2002.
- Платон. Диалоги. Харьков, 1999.
- Полборн Р. Образ и предвкушение. М., 2003.
- Пяткова О.А. Динамика транскоммуникативных состояний личности в социально-психологическом тренинге: дис. канд. психол. наук. Томск, 2007.
- Рубинштейн Л.С. Основы общей психологии. СПб., 2006.
- Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.
- Тиллих П. Мужество быть // Избранное: Теология культуры. М., 1995. С. 7.
- Уайт Дж. (ред.) Что такое просветление? Исследование цели духовного пути. М., 1996.
- Уилбер К. Интегральная психология: Сознание. Дух. Психология. Терапия. М., 2004.
- Фокс М., Шелдрейк Р. Там, где встречаются наука и Дух. Физика ангелов. М., 2003.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
- Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. М., 2006.
- Хиллман Дж. Архетипическая психология. СПб., 1996.
- Шелдрейк Р. Новая наука о жизни. М., 2005.
- Шертон Л. Непознанное в психике человека. М., 1982.
- Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д, 1999.
- Штайнер П. Порог духовного мира. Афористические рассуждения. М., 1991.
- Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Киев, 1996.
- Юнг К.Г. Синхронистичность. М., 1997.
- Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика / под ред. Ю.С. Степанова. М., 1983. С. 102.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.